

Как становятся вирусом: массовая самоорганизация ближайших десятилетий

ДАНИИЛ АРОНСОН

Научный сотрудник, сектор истории западной философии,
Институт философии РАН (ИФРАН). Адрес: 109240, Москва,
ул. Гончарная, 12, стр. 1. E-mail: aronson.d.o@gmail.com.

ДМИТРИЙ ТЕСТОВ

Младший научный сотрудник, сектор аналитической антропологии,
Институт философии РАН (ИФРАН). Адрес: 109240, Москва,
ул. Гончарная, 12, стр. 1. E-mail: testwisdomry@gmail.com.

Ключевые слова: *potentia*; *artificium*; множество; аналогия;
вирус; мем; массовая политика; институты модерна.

Вирусом сегодня, как правило, называют паразита, который распространяется, заставляя хозяина себя копировать. В культуре это понятие порождает аналогии компьютерного вируса, медиавируса, идей как вирусов, паразитирующих на человеческом мозге, и т. д. Но может ли понятие вируса служить удачной аналогией для политических и социальных явлений? В статье показано, как эта аналогия проливает свет на особенности современной массовой политики, которые остаются в тени, пока политическое действие продолжают мыслить в терминах идентичности, идеологии или частного интереса.

Теоретические основания применению «вируса» к описанию социальных и политических явлений состоят в том, что само это понятие является аналогическим, а не гомологическим: ученые спорят о происхождении вирусов, и вполне вероятно, что сразу несколько теорий могут оказаться верными. Однако это не мешает осмысленно использовать термин

именно в силу аналогии между всеми существами, называемыми вирусами. Суть этой аналогии в том, что все вирусы используют одинаковый набор трюков (*artificium*) для реализации своей сущности (*potentia*). Вирусы паразитируют на мощи органической машинерии других живых существ, превращая ее поломки в собственную репродуктивную систему, которая является для них одновременно когнитивной, поскольку вирусы обучаются только в поколениях. Тем самым вирусы живут и действуют не на уровне отдельных носителей, но только в качестве размножающихся, мутирующих, обучающихся множеств. Их *potentia* в точности аналогична власти множеств, о которых говорят Майкл Хардт и Антонио Негри, которая учреждает новый политический порядок и одновременно деституирует порядок наличный. Статья разъясняет смысл этой аналогии в контексте судьбы политических и социальных институтов позднего модерна.

ДАЖЕ удачные аналогии нередко лишь прикрывают подлинный смысл сходства. Но сходства, как известно, бывают различных типов. В сравнительной анатомии, например, сходство морфологической структуры проливает свет на существование общего ствола, из которого вырастают разветвляющиеся траектории эволюционных преобразований. Однако значимость этой морфологической общности придает не аналогия, а гомология. И именно гомология долгое время была основным аргументом в пользу теории эволюции. Крылья птиц гомологичны рукам человека, то есть являются одним и тем же органом, хотя и выполняют различные функции. Однако отношение крыльев птиц и насекомых представляет собой аналогию, поскольку это совершенно различные органы, имеющие функциональное сходство.

Если смотреть на живое существо как на компромисс между выражением мыслительного процесса, воплощенного в явных и скрытых закономерностях его анатомии и морфологии, с одной стороны, и ограничениями реальности, которые сопротивляются возможностям выражения, с другой стороны, то гомология говорит о разуме, а аналогия — об ограничениях реальности, с которой разум столкнулся.

Под реальностью мы подразумеваем здесь то, что упорствует, оказывает сопротивление. Слово «реальность» восходит к латинскому *res*, с которым также связана и *resistentia*. Реальность, таким образом, если следовать за языком, предстает именно как резистентность и противостоит в этом качестве воображаемому как пространству, в котором воля не встречает препятствий¹.

Итак, отношения гомологии у различных существ встречаются постольку, поскольку они есть инварианты общей морфологической схемы; отношения аналогии же обнаруживаются, поскольку они преодолели некоторое общее препятствие. Разны-

1. Следует оговориться, что ограничения и препятствия вполне могут быть введены в сферы воображения и фантазии. В этом случае мы получаем примеры строгого воображения, такого как логика и математика например. Ограничения, однако, делают воображаемое все больше похожим на реальность, а в случае с логикой и математикой позволяют эту реальность довольно точно описывать.

ми путями птицы и насекомые овладели стихией воздуха. Форма крыла и ритм взмахов преобразуют хаотичные воздушные силы в среду обитания. Крыло — это трюк, позволяющий обойти или обхитрить непреодолимую в ином случае резистентность реальности. И серия аналогичных трюков позволяет говорить о некоторой брешу как устойчивой возможности среди ограничений, поэтому трюк и ограничения очерчивают границы или определяют друг друга. Таким образом, зная об аналогичных трюках, изобретаемых живыми агентами в их упорствовании в бытии (*sonatus*), можно сделать некоторые догадки о рельефе реальности, который оказывал им сопротивление.

С этой точки зрения вирус уже не просто клеточный паразит, точнее, клеточный паразит есть лишь частный случай некоторого более общего способа бытия — некоторого трюка по «превращению препятствия в средство». То есть различные типы вирусов представляют собой одну и ту же уловку по преодолению аналогичных ограничений. Вирусную агентность, таким образом, следует рассматривать как компромисс между конатусом и ограничивающей его резистентной реальностью. Именно результатом столкновения между реальностью и конатусом становится трюк (*artificium*). И именно трюк можно назвать способом существования.

Если следовать традиции, которая порывает с классическим определением вещей через их сущность и настаивает на определении вещи через ее потенцию (к этой традиции Делёз относит прежде всего Гоббса, Спинозу и Ницше, но начинает еще с Николая Кузанского)², то разнообразные вирусы, именуемые так по аналогии, в действительности подпадают под одно определение. «Я не определял бы нечто через его сущность, через то, что есть, — говорит Делёз, — а это значит: я определял бы его через это варварское определение, его *possesit* — это то, что оно может. Буквально: то, что оно может в действии»³. Что ж, такому способу определять вещи аналогия подходит куда больше, чем гомология. Птицы и стрекозы могут летать, поэтому они должны получить более сходные определения, чем птицы и люди, хотя последние, несомненно, имеют большее гомологичное сходство.

Стоит, впрочем, провести различие между живыми и неживыми вещами, поскольку потенции, лежащие в основе их способа бытия, принципиально иные. Можно, вероятно, сказать, что

2. Делёз Ж. Лекции о Спинозе (1978–1981). М.: Ad Marginem, 2016. С. 52–62.

3. Там же. С. 52.

звезда, камень или песчаный холм упорствует в существовании в меру своей потенции-мощи, и в меру этой потенции-мощи они будут рассеяны диссипативными силами раньше или позже. Живые вещи тоже имеют свой срок, но они никогда бы не смогли тягаться с диссипативными силами реальности с такой ожесточенностью, чтобы отвоевать себе хотя бы и это время. Организмы и вирусы упорствуют в существовании вовсе не благодаря мощи, но благодаря некой хитрости. Поэтому не через *potentia*, а, скорее, через *artificium* следует определять живую вещь.

Один из значимых трюков, посредством которого живые вещи удерживают себя от распада, представляет собой то, что на техническом языке называется регулированием. Суть хорошего регулятора в том, чтобы, словами Росса Эшби, заблокировать «поток разнообразия от возмущений к существенным переменным»⁴. Иначе говоря, организмы избирают из хаотичного разнообразия внешней среды лишь те состояния, что совместимы с их способом существования. Значительная часть такого регулирования осуществляется пассивно, однако достаточно сложные существа могут прибегать и к активному регулированию, извлекая закономерности из хаоса, предугадывая события на основании памяти о прошлом, изменяя положения вещей так, чтобы избежать нежелательных исходов. Но все это подразумевает необходимость содержать в себе достаточно подробную модель среды, в которой существо действует. Карл Фристон, вторя Эшби, всячески подчеркивает, что хороший регулятор должен быть моделью системы, которую он регулирует⁵. Моделирование среды для организма — это процесс обучения, подразумевающий контуры обратной связи, в рамках которого организм обменивается информацией со средой.

При этом, поскольку все звуки, образы, вкусы и запахи представляют собой преобразование различного рода воздействий среды на специфические рецепторы, для организма среда — то, что разворачивается на поверхности тела. И именно тело обеспечивает возможность обратной связи, поскольку им можно воздействовать на среду.

Но если понимать тело так, то вирус телом не обладает. То, что представляет собой вирус вне клетки, есть лишь носитель. Ана-

4. Эшби Р. Введение в кибернетику / Пер. с англ. Д. Г. Лахути, под ред. В. А. Успенского. М.: URSS, 2009. С. 285.

5. Friston K. A Free Energy Principle for Biological Systems // Entropy. 2012. Vol. 14. № 11. P. 2102.

логичным образом книга не является телом текста, а диск — телом хранящейся на нем информации. В рамках книги текст не может установить обратную связь, которая становится возможной с появлением читателя. Только посредством клетки вирус устанавливает обратную связь со средой. Как и текст, вирус жив лишь в составе чего-то живого.

Тем не менее нельзя сказать, что вирус состоит только из носителей, которые не являются телами. Носители принадлежат некоторой совокупности или образуют собой множество. То, чего нет у вируса, — это индивидуальное тело: то, что индивидуально, нельзя назвать телом, а то, что похоже на тело, представляет собой множество. Это множество стоит довольно близко к тому, что мы здесь подразумеваем под телом. Есть, однако, затруднение, связанное со временем: существование множественного тела вируса прерывается во времени. Если рассмотреть тело организма в рамках некоторого отрезка времени, то это индивидуальное тело, поскольку оно включено во взаимодействие со средой и задействует разнообразные контуры обратной связи. Вирус же во временном срезе, охватывающем одно поколение, подобных отношений не образует. Результатом действия обратной связи выступает второе поколение. То есть только на примере двух поколений можно говорить о том, что вирус чему-то обучается. Следовательно, чтобы говорить о теле вируса, мы должны расширить границы в пространстве, чтобы охватывать множество носителей, и во времени, чтобы охватить момент его прерывания и повтора. Именно это вибрирующее множество может обучаться, то есть упорствовать в своем существовании, и клетка включена в тело вируса как момент или эпизод его вибрации. Существовая в среде организма, вирус неизбежно сталкивается с адаптирующейся иммунной системой, и, чтобы выжить, он должен изменяться быстрее — менять обличья, чтобы не быть распознанным. Но если организмы пытаются изменяться умеренно, как обучаясь в течение жизни, так и перетасовывая гены разных особей при половом размножении, то вирусы словно полагаются в этом на энтропию. Конечно, в случае организмов новое тоже возникает из случайного и случайная мутация может стать причиной появления благоприятного признака, но все же вероятность появления нежизнеспособного и уродливого куда выше, и механизмы избыточности корректируют случайные ошибки. Но вирус встраивает случайные ошибки в качестве компонента своего репродуктивного процесса. Он словно делает ставки на множество игральные столы, и та, что сыграет, определит природу будущих

поколений. В каком-то смысле тело вируса продолжает существовать благодаря везению, оно окружено удачей, как тела организмов окружены своими мембранами. Но при таком количестве попыток (копий) удача — нечто вполне закономерное. Всего один успех, позволяющий скрыться от иммунной системы, научиться паразитировать на новом типе клеток или перебраться на другого хозяина, оправдывает все риски, и простота в этом только помогает. Так вирус обучается, познавая возможности среды. Отдельный носитель не может ничему научиться, ничего познать. Познаёт только воспроизводящееся с ошибками множество. Для вируса познание и размножение — это одно и то же.

Именно по этой причине две из трех доминирующих сегодня теорий возникновения генетических вирусов говорят об их происхождении из более сложных форм жизни: либо по причине атрофирования клетки, либо в результате ускользания фрагмента генетического материала⁶. Действительно, вирус не живет — в том смысле, что он не имеет внутренних контуров обратной связи и не реагирует на среду, если она сама лишена таких контуров. Но, попадая в клеточную среду, вирус составляет с ней композит, поскольку начинает передавать сообщения по ее собственным каналам коммуникации. Это событие называется заражением. В одних случаях вирус стремится полностью взять управление клеткой под свой контроль. Бактериофаг уничтожает ДНК клетки и использует ее органеллы для производства копий себя самого. В других случаях вирус встраивается в организм хозяина, не нарушая его обычного цикла. Вирус герпеса, попадая в ядро клетки, большую часть времени остается в латентном состоянии. Так или иначе, вирусное заражение среды есть ее пересборка: среда принимает в себя новые операциональные элементы и начинает работать по-новому. Исходный способ работы клетки записан в ДНК ее ядра так, что вся клетка есть выражение («экспрессия») этой информации. Молекула ДНК в ядре «знает», как клетка должна работать, и может корректировать работу отдельных органелл. Вирус же содержит в своем геноме не полноценную информацию о работе зараженной клетки, но лишь набор команд, которые могут быть исполнены, когда вирион попадает в комплементарную его собственному коду клеточную среду. Для этого вирус не вступает в двух-

6. См.: *Krupovic M. et al. Origin of Viruses: Primordial Replicators Recruiting Capsids From Hosts // Nature Reviews Microbiology. 2019. Vol. 17. P. 449–458.*

стороннюю коммуникацию с клеткой, не становится еще одной ее органеллой. Вместо этого он односторонне управляет производственной машиной клетки, оставаясь для нее по возможности невидимым.

Все это указывает на то, что вирус превращает трюки других живых существ в собственную репродуктивную и одновременно когнитивную систему. Дело в том, что всякий трюк есть некоторая техника, использующая низкоэнтропийные источники энергии для локального увеличения порядка. Так, свет Солнца — продукт низкоэнтропийного источника энергии — преобразуется клеткой растения в химическую энергию, которая затем может быть поглощена животным и рассеяна в виде тепла. Всякое существо, питаясь порядком, локально понижает собственную энтропию, повышая энтропию среды. Однако трюк по определению должен быть исполнен, а этот процесс требует повышения энтропии уже самого живого существа. Везде, где есть трюк, есть некоторая машинерия, реализующая трюк. Сама эта машинерия подвержена изнашиванию, поскольку увеличивает порядок своей среды (организма в целом) за счет собственного порядка. Это означает неустранимую вероятность поломок. Уставший глаз подвержен обманам зрения, клетка, которая долго была на свету или просто состарилась, может стать раковой. Иными словами, живое существо не может выкачивать порядок из окружающего мира совершенно праздно. Оно должно произвести некоторую работу, и орган, выполняющий эту работу, изнашивается и становится подвержен поломкам, по крайней мере, пока не будет регенерирован. Поломка не обязательно означает отказ, она может проявляться и в неправильной работе. Чем интенсивнее нечто работает по назначению, тем скорее оно начнет работать не по назначению.

Именно здесь и появляется возможность возникновения вируса. Когда ложное срабатывание органической машинерии производит коммуницируемый фрагмент кода, индуцирующий само это срабатывание, данный фрагмент превращается в вирион. Это происходит не по причине возникновения нового трюка, но именно в силу простоты фрагмента, увеличивающей вероятность того, что он будет произведен машинерией, которая заточена под совершение ограниченного числа типичных действий. По всей видимости, так возникли по крайней мере некоторые из генетических вирусов, и именно так Ричард Докинз объясняет феномены, которые он называет вирусами мозга, а мы скорее назвали бы ментальными вирусами, чтобы подчеркнуть, что среда их существо-

вания — не только мозг, но и связанные с ним носители и преобразователи психического содержания, такие как книги, афиши и линии коммуникаций⁷. Если генетический вирус живет и размножается в клетках, то среда ментальных вирусов — естественные ритуалы и социальные институты.

Есть два фактора, увеличивающих вероятность возникновения подобных вирусов. Во-первых, высокая энтропия машинерии, исполняющей трюк, увеличивает вероятность ее поломок. Во-вторых, большое число каналов коммуникации увеличивает шанс того, что действие сломанной машины будет скопировано и распространится внутри популяции и за ее пределами.

Это позволяет предсказать дальнейший рост значения вирусов, в особенности ментальных, в нашей коллективной судьбе. Во-первых, мы живем в «век коммуникаций», когда возможности для распространения разного рода сообщений велики как никогда. Это вполне очевидно. Несколько менее тривиально другое: то, что наряду с увеличением возможности распространения вирусов выросла и энтропия многих традиционных социальных институтов, включая специфические порядки и учреждения эпо-

7. Докинз совершенно верно показывает вирусный характер распространения элементарных социальных ритуалов, включая простые детские игры: «Йо-йо, хула-хупы и пого заполняют школы в мгновение ока, спорадически перепрыгивают из одной школы в другую, и этот процесс, по сути, ничем не отличается от эпидемии кори». Однако, когда он рассуждает о происхождении и распространении религий как «совокупностей вирусных идей», его рассуждения утрачивают строгость аналогии и становятся скорее метафорическими. «Не суть важно, — пишет Докинз, — сравним ли мы каждую такую совокупность с одним вирусом или с множеством вирусов. Важно то, что человеческие мозги — благоприятная среда для паразитических, самокопирующихся идей или информации, для которой типичны массовые инфекции». Тем не менее, как мы показали выше, одна из особенностей вируса заключается в том, что его носитель — не живое тело. Религиозные идеи (по крайней мере, если говорить о традиционных религиях), напротив, почти никогда не могут существовать только на книжных или иных носителях, они должны воплощаться в повседневной практике религиозной общины. Христианская религия рефлексивует эту черту своих идей, когда говорит о необходимости присутствия Святого Духа. Стоит ли говорить, что происхождение этого учения, как и прочих положений христианства, имеет интеллектуальную историю, которую трудно объяснить только тем, что «идеи, процветающие в присутствии друг друга, будут собираться в команды, взаимно поддерживая друг друга, как это делают гены и (согласно моей спекуляции) когда-нибудь научатся делать компьютерные вирусы» (*Докинз Р. Вирусы мозга // Химия и жизнь. 2005. № 10. С. 50–58*).

хи модерна. Последние работали посредством гомогенизирующей социальной дисциплины, которая и была, следуя нашей терминологии, машинерией, поддерживающей специфическую для них целостность. Основными элементами такой машинерии были учреждения, которые Луи Альтюссер назвал идеологическими аппаратами государства, в первую очередь школы, но также армия, академия, политические партии и т. д.⁸ Каждый из таких аппаратов имел внутренние механизмы сдерживания собственной энтропии. Школьное знание состояло из более-менее законченных смысловых единств, каждое из которых, будь то тригонометрия или национальная история, по окончании школы можно было использовать в профессии или забыть, но тяжело было растащить на самостоятельные фрагменты. Образование к тому же осуществлялось за закрытыми дверями, что ограничивало возможности ускользания разрозненных элементов учебного материала за пределы школы. Сегодня все изменилось. На смену школе высокого модерна, чьим предназначением было инициировать гражданина и специалиста, пришла институция, которая должна приучить индивида к прохождению все новых *assessments*, делающих само понятие инициации бессмысленным. Для этого школьный материал не должен быть целостным, напротив, он должен стать как можно более аморфным и податливым для адаптации к новым и непредвиденным обстоятельствам. Современная практика подготовки к ОГЭ и ЕГЭ отражает эту тенденцию более чем наглядно. Само содержание таких тестов становится максимально открытым. Все это создает благоприятные условия для автономизации элементов учебного материала, превращения их в ментальные вирусы («мемы»).

Схожая судьба постигла и другие институты обществ модерна, включая научные и политические. В некоторых случаях высокая степень их энтропии стала одним из принципов самого их функционирования: постмодернистская методология в гуманитарных науках поощряет микширование подходов, изымаемых из «мертвого канона», а популистская политика, как показал Эрнесто Лаклау, включает в себя постоянное комбинирование фрагментов исторически различных идеологий⁹. Но, как это порой случает-

8. См.: Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).

9. См.: Попович О. Что такое популизм: теория Эрнесто Лаклау // Спільне: журнал соціальної критики. 10.04.2019. URL: <https://commons.com.ua/ru/sho-take-populizm-teoriya-ernesto-laklau>.

ся, тот, кто сеет ветер, пожинает бурю, и вирусная политика масс становится упрямой спутницей популистской политики элит. Может показаться, что за движениями вроде *MeToo* или *Fridays For Future* стоят вполне различные политические идеологии: грубо говоря, феминизм в первом случае и энвайронментализм во втором. Но эта иллюзия возникает именно потому, что вирус рождается из элементов дезинтегрирующего политического дискурса модерна. Так, мем *Climate strike* использует нарративы о глобальном потеплении, об ответственности взрослых за будущее детей, а также типичное нежелание школьников ходить на занятия, чтобы каждая пятница в жизни ребенка стала посвящена его производству. В действительности политическая идентичность участника таких акций имеет значение лишь постольку, поскольку она помогает актуализировать аффект, посредством которого распространяется вирусное сообщение. Личная история жертвы абьюза или пламенное требование снизить выбросы парниковых газов — лишь оболочка, сопровождающие «геном» вируса, сводящийся в одном случае к хештегу, а в другом — к простому визуальному образу.

В отличие от политических движений модерна, завязанных на целостные идеологии и поддерживающих их сложную материальную машинерию, вирусная самоорганизация строго горизонтальна. Вирус следует простому имплицативному реле: попав в подходящую среду, он автоматически предписывает ей себя копировать. С точки зрения самой среды, всегда устроенной иерархически, происходит нечто более сложное: участники вирусных акций могут объяснять свои действия жизненным опытом, долгими рефлексиями и моральными убеждениями. Но в действительности все это — просто элементы ментальной среды, на которых паразитирует вирус. Лишь немногие из таких элементов связаны с сознательной деятельностью человека, большинство же имеют аффективный и эстетический характер. Наиболее очевидно это в случае распространения простейших интернет-мемов или фотографий котиков, когда большинство пользователей, копирующих и пересылающих изображение, вряд ли вообще в состоянии объяснить, почему они это делают.

Первый заметный пример вирусной политической самоорганизации имел место еще в 1848 году. После этого подобные случаи исчезли, чтобы вернуться во время «арабской весны» и стать практически обыденностью в последнее десятилетие. Долгое отсутствие случаев вирусной самоорганизации после 1848 года Курт Вейланд связывает с появлением партий, которые сконцен-

трировали рабочее движение вокруг себя и сделали его акции более стратегически выверенными¹⁰. Но тем самым новая форма жизни была инкорпорирована в существующие институциональные структуры, что сделало невозможными наиболее радикальные ее проявления. Даже революция 1917 года не учредила *res publica* на месте *ancien régime*, но только создала новый *régime* на месте старого, поскольку возглавившая ее сила была партией, то есть воплощала консервативную политическую логику модерна.

Если генетические вирусы используют для самовоспроизводства генный код, состоящий из дискретных единиц, то ментальные вирусы распространяются посредством аффектов, которые переходят друг в друга континуально. Говоря на языке Грегори Бейтсона, преобразования информации, осуществляемые РНК, цифровые, тогда как аффективные преобразования — аналоговые. ДНК герпеса кодирует производство белков строго определенной молекулярной структуры, тогда как хештег #*Metoo* кодирует весьма вариативную аффективную композицию. И тот и другой вирус упорствуют в бытии, что для живых процессов означает тенденцию к повторению. Однако у генетических вирусов повторение представляет собой копирование, тогда как у ментальных вирусов оно выражается как повторение отличного, как производство все новых форм. Поэтому то, что вирусные множества кибернетически примитивны, не имеют самосознания и целей, еще не означает, что они ригидны и неизобретательны. Напротив, когда культура модерна исчерпала способность к творчеству и может лишь подсовывать нам все новые экранизации «Человека-паука», именно ментальные вирусы, зачастую выходящие из тела того же самого «Человека-паука», становятся стихийными фабриками смыслов-событий. Вибрирующие множества раз за разом выходят на подмостки истории, постоянно перекраивая собственные одеяния.

10. См.: Weyland K. The Arab Spring: Why the Surprising Similarities With the Revolutionary Wave of 1848? // Perspectives on Politics. 2012. Vol. 10. № 4. P. 917–934.

Библиография

- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).
- Делёз Ж. Лекции о Спинозе (1978–1981). М.: Ad Marginem, 2016.
- Докинз Р. Вирусы мозга // Химия и жизнь. 2005. № 10. С. 50–58.
- Попович О. Что такое популизм: теория Эрнесто Лаклау // Спільне: журнал соціальної критики. 10.04.2019. URL: <http://commons.com.ua/ru/sho-take-populizm-teoriya-ernesto-laklau>.
- Эшби Р. Введение в кибернетику. М.: URSS, 2009.
- Friston K. A Free Energy Principle for Biological Systems // Entropy. 2012. Vol. 14. № 11. P. 2100–2121.
- Krupovic M., Dolja V. V., Koonin E. V. Origin of Viruses: Primordial Replicators Recruiting Capsids From Hosts // Nature Reviews Microbiology. 2019. Vol. 17. P. 449–458.
- Weyland K. The Arab Spring: Why the Surprising Similarities With the Revolutionary Wave of 1848? // Perspectives on Politics. 2012. Vol. 10. № 4. P. 917–934.

BECOMING A VIRUS: SELF-ORGANIZATION OF THE MASSES IN RECENT DECADES

DANIIL ARONSON. Researcher, Department of the History of Western Philosophy, aronson.d.o@gmail.com.

DMITRY TESTOV. Junior Researcher, Department of Analytical Anthropology, testwisdomry@gmail.com.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS), 12/1 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: potentia; artificium; multitude; analogy; virus; meme; mass politics; institutions of modernity.

According to our usual understanding of a virus, it is a parasite that spreads by forcing the host to make copies of it. Cultural analogies to that concept have already given us the notion of a computer virus, a media virus or meme, and ideas as viruses infecting and propagating within the human brain, etc. But could the concept of a virus provide a useful analogy to political and social phenomena? The authors show how such an analogy illuminates the features of modern mass politics that remain obscure as long as political action is thought of in terms of identity, ideology, or private interest.

The theoretical basis for regarding social and political phenomena as viruses is that the class of viruses is by nature analogous rather than homologous. This means that scientists can come to different conclusions about the origin of viruses and that several different theories may all be correct. Nevertheless, the term “virus” is meaningful precisely because of the analogy between all the entities called viruses. The core of this analogy is that all viruses use the same set of tricks (*artificium*) to realize their essence (*potentia*). Viruses are parasitic on the organic machinery of other living beings, turning their malfunctions into their own reproductive system. That process also has a cognitive dimension because viruses learn only over succeeding generations. Viruses then live and act not as individual carriers, but only as procreating, mutating, learning multitudes. Their *potentia* is precisely analogous to the power of the multitudes, which Michael Hardt and Antonio Negri have discussed. It is a power which constitutes a new political order and simultaneously impoverishes the present one. The article explains the meaning of this analogy as it applies to the fate of the political and social institutions of late modernity.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-29-40

References

- Althusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Idéologie et appareils idéologiques d'État]. *Neprikosnovennyy zapas* [Emergency Reserve], 2011, no. 3 (77).
- Ashby W. *Vvedenie v kibernetiku* [An Introduction to Cybernetics], Moscow, URSS, 2009.
- Dawkins R. Virusy mozga [Viruses of the Brain]. *Khimiya i Zhizn* [Chemistry and Life], 2005, no. 10, pp. 50–58.
- Deleuze G. *Lektsii o Spinoze (1978–1981)* [Lectures on Spinoza (1978–1981)], Moscow, Ad Marginem, 2016.
- Friston K. A Free Energy Principle for Biological Systems. *Entropy*, 2012, vol. 14, no. 11, pp. 2100–2121.

- Krupovic M., Dolja V. V., Koonin E. V. Origin of Viruses: Primordial Replicators Recruiting Capsids From Hosts. *Nature Reviews Microbiology*, 2019, vol. 17, pp. 449–458.
- Popovich O. Chto takoe populizm: teoriia Ernesto Laklau [What Is Populism: A Theory of Ernesto Laclau]. *Spil'ne: zhurnal sotsial'noi kritiki* [Commons: The Journal of Social Criticism], April 10, 2019. Available at: <http://commons.com.ua/ru/sho-take-populizm-teoriya-ernesto-laklau>.
- Weyland K. The Arab Spring: Why the Surprising Similarities With the Revolutionary Wave of 1848? *Perspectives on Politics*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 917–934.